

Уэлш неизменно доказывает, что литература — лучший наркотик.

Spin

Я бы хотел увидеть когда-нибудь экранизацию «Кошмаров Аиста Марабу», сделанную Вернером Херцогом, чтобы в главной роли был Майкл Фассбендер или Том Харди.

Ирвин Уэлш

История впавшего в кому футбольного хулигана, который проживает под капельницей во второй раз свою недлинную и бестолковую жизнь, вспоминая всех, кто его обидел и кого обидел он сам, типична для Уэлша. Типичны и декорации — спальные пролетарские пригороды шотландской столицы. Паб, улица, фонарь, аптека. Все в меру безнадежно, в меру цинично и — если заглянуть под поверхность стиля — пронизано здоровой буржуазной моралью: сделанное людям говно обязательно приплывет к тебе обратно. Переводчик залихватски справился с шершавым языком пивных и подворотен, отчего Уэлш становится нам еще ближе и родней.

Илья Кормильцев
(ОМ)

Уэлш — редкой злокозненности тварь, одна из самых талантливых в мировом масштабе. Его тексты — хорошая, по всем правилам сделанная беллетристика, типичная британская социальная сатира. Только вот с читателем здесь не церемонятся — спички между глаз вставляют и заставляют смотреть, как автор выскребает души своих героев. Смотреть, сука, сидеть, я сказал! — такая вот ироническая беллетристика.

Проза Уэлша — это библия стиля для гопников, подогреваемых наркотиками, футболом, пролетарским искусством и политическим национализмом. Галерея портретов неистовых подонков, эксплуатирующих свою невменяемость, берсерков, упивающихся жестокостью, оргазмирующих от собственных зверств. Единственное возможное Событие в их мире — акт раскаяния; с ним-то Уэлш и работает. Наихристианнейших развязок не ждите. «Кошмары Аиста Марабу» — очень красивый по композиции роман: все события в нем транслируются через коматозное состояние Роя Стрэнга. До самого конца непонятно, что реально, а что нет; но когда все выяснится, окончательно реальной реальностью окажется состояние комы — там и будет совершено последнее, окончательное насилие.

*Лев Данилкин
(Афиша)*

Главный герой, Рой Стрэнг, — идеальная модель для литературных экспериментов Уэлша. Будто нарочно погружая его в свои фирменные обстоятельства — труппы, гиперболизированные сумасшедшие родственники, мнящие себя средним классом, псевдодрузья из числа диких футбольных фанов, пребывание в коме на больничной койке, — автор наделяет героя внутренним миром, дает оружие и возможность охотиться на свои пороки, явленные герою в виде черного Аиста Марабу, истребителя фламинго. За уничтожение вредоносного чернокры-

ла Рою обещано возвращение в мир-мечту, где все по-другому, не так, как было раньше. Сам же Уэлш, господь бог романа, только что выдавший в кредит душу, индивидуальность и надежду выжить молодому пустоглазому подонку, почти сразу отходит в сторону и начинает отстраненно наблюдать: выберется — не выберется, убьет — не убьет.

Рой Стрэнг с волками жил и по-волчьи взвыл, говоря словами барда-классика. По сути, таких, как герой Уэлша, — миллионы в любой стране, в любом городе, и не только в Британии. Это человек, с которым тяжело разговаривать, если вы умеете читать, и именно в них Уэлш находит вдохновение. Отчего-то принято считать, что Уэлшу мила их безудержная витальность, вызванная полным отсутствием мозгов и переполнением сенсорных каналов. Очевидно, что вовсе нет, — он не понаслышке знает, что дикий мир социального низа страшно тоталитарен по своей сути, и пытается найти для этих несчастных хотя бы какой-то островок свободы: от цепной реакции порока, от всепоглощающего быта, от тщетных социальных ожиданий. И в «Кошмарах Аиста Марабу» эта вожденная земля — подсознание героя.

Известия

«Кошмары Аиста Марабу» заметно отличаются от остальных литературных трипов Уэлша. Это галлюциногенное путешествие в сознание прикованного к постели главного героя.

Рой Стрэнг — безобразный люмпен. Зато с претензиями. Бесконечный монолог Стрэнга — это своеобразная автобиография с того света. В потрясающем трипе, в глубине воспоминаний Рой по-новому переживает ужасающие моменты, отправляясь в страну, где страшные падальщики марабу разрывают на части грациозные тела розовых фламинго.

Роман наполнен мизантропией и мрачным юмором и написан чудовищным языком, в котором сочетаются сленг, вульгаризмы и имитация сильного шотландского акцента. Впрочем, это определение может подойти к любому из уэлшевских произведений.

«Кошмары Аиста Марабу» — книга, в которой найдется обилие нюансов и закоулков, описывающих жизнь, проходящую фоном в существовании главных героев, юмор и издевательская сатира, ненависть и ущербность, свойственные разным классам общества, стык различных уровней мировосприятия, слабость человека, пытающегося быть сильным, месть и обилие матов, помогающих переводчикам ближе к истине описать пеструю палитру состояний и эмоций героев.

Expert.ru

Ирвин Уэлш — ключевая фигура английской «анти-литературы». Проза Уэлша — один из тех редких случаев в серьезной прозе, когда разговоры о жанре, направлении, идеологии и подтекстах почти никак не влияют на прочтение. Это пример чисто экзистенциального письма, прямая трансляция происходящего. Естественная интонация не оставляет места никаким литературным условностям. В сумме все это производит впечатление стилистического открытия.

Gazeta.ru

Его мастерство, юмор и сочувствие в сумме равняются гениальности. Уэлш — лучшее, что произошло в британской литературе за последнее десятилетие.

Sunday Times

Ирвин Уэлш — неоспоримый лидер в новой волне современной британской словесности.

Observer

С литературной точки зрения Уэлш достаточно прост. Его произведения обычно написаны от первого лица с обильным использованием сленга, жаргона и диалектизмов — характерный пример того, что русские формалисты называли словом «сказ». Это влечет за собой сложности и для переводчика, и для читателя, но должно — по мысли поклонников — гарантировать аутентичность и подлинность высказывания. Сказовая манера у Уэлша дополнена нехитрой монтажной техникой, позволяющей ему избегать простого линейного повествования (особенно это заметно в «Кошмарах Аиста Марабу»). Впрочем, в 1990-е годы и то, и другое давно уже не в новинку. Вероятно, наиболее близким Уэлшу классиком XX века будет Луи Фердинанд Селин, с его жаргонизмами, натурализмом и экспрессией, сочетающимися с мизантропией и презрением к человечеству. Достоинством выбранного стиля служит то, что он позволяет избежать нравоучения: Уэлш, так же как и Селин, может позволить себе не оценивать своих героев, отказавшись от роли непогрешимого автора.

Критика называет его «постмодернистским Роальдом Далем», однако сам он решительно разрывает с традициями нарочитой интертекстуальности и интеллектуальной усложненности: «Для того чтобы делать то, что я делаю, мне не требуются отсылки к другим книгам — я подпитываюсь своей собственной культурой. Я стараюсь использовать современную культуру: такую, как видео/музыку/эйсид-хаус, различные переживания — все то, что происходит вокруг. Вероятно, поэтому мои книги рассчитаны скорее на эмоциональное, а не на интеллектуальное восприятие. Если я захочу философии, то я обращусь к философам, а не к романистам».

Разумеется, приведенная цитата не значит, что Уэлш, как герой известного анекдота, «не читатель, а писа-

тель», — он не оспаривает того, что Чарльз Буковски или Уильям Берроуз родственны ему. Речь идет только о том, что при создании своих произведений он отказывается ориентироваться на тексты, а ориентируется на жизнь. Конечно, в высказываниях Уэлша при желании нетрудно увидеть постмодернистский же вызов традиции литературоцентризма и ориентацию на современную аудиовизуальную культуру... Впрочем, легко заметить, что за его словами стоит типично модернистская уверенность в том, что эмоцию возможно передать литературными средствами. Самое удивительное, что в своих лучших произведениях Уэлшу это действительно удается.

Сергей Кузнецов
(Иностранная литература)

Ирвин Уэлш превращает язык своего детства в средство создания фантастического мира, выходящего далеко за пределы окрестностей Эдинбурга, и маркирует им территорию, не просто ограниченную рамками определенного региона, но лежащую вообще за пределами буржуазной нормы.

Илья Кормильцев
(Иностранная литература)

Самое прекрасное во вдохновении — то, что никто, кроме тебя, не знает его настоящего источника. Иногда не знаешь и сам. Бывает, пытаешься провести четкую линию между явлениями, которые легли в основу книги, и не можешь. Так что лично я оставляю эту работу подсознанию.

Ирвин Уэлш

Триш, Дейви, Лоре и Шону

Предисловие

Еще раз спасибо. В первую очередь и самую глубокую благодарность выражаю Анне по причинам, которым можно было бы посвятить все книги на свете, так и не отдав должного.

Затем Кенни Макмиллану и Полу Рики — за то, что они снабдили меня массой идей для этой книги и предоставили бóльшую часть информации, необходимой для выполнения этого замысла; спасибо многочисленным парням из Восточного сектора (где раньше были ряды, а теперь, к сожалению, стоячие трибуны) за сведения знатоков. Кевину Уильямсу, Барри Грэму и Сэнди Макнуару — за то, что они пробежали рукопись острым взглядом и сделали несколько полезных замечаний. Без слов понятно, что вышеперечисленные не несут ответственности за множество недочетов, только вот без их вмешательства дерьмовых кусков в этой книге было бы еще больше.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Спасибо муниципалитету города Мюнхена, без чьего щедрого гостеприимства эта книга не была бы написана столь быстро.

Всем издателям, особенно Робину Робертсону, и Ники Итону, и Лесли Брюсу, лучшему редактору Западной Европы. Джеффу Баратту из «Божественной».

Моим приятелям в Эдинбурге, Глазго, Лондоне, Манчестере, Амстердаме и т. д., на которых я всегда могу положиться, что они вытащат меня в клуб, или бар, или на трибуны — немного покуролесить — всякий раз, когда мне угрожает приступ здравомыслия. Вы знаете, кто вы, наше вам с кисточкой всем вместе и каждому в отдельности.

Передаю также кивки, подмигивания, объятия и наилучшие пожелания всем тусовщикам и тусовщицам, с которыми за последний год я познакомился в клубах *Pure, Yip Yap, Slam, Sativa, Back to Basics, The Ministry, Sabresonic, Desert Storm, The Mazzo, The Roxy, Sunday Social* и *Rez*. Поклон диджеям за крутой музон.

Огромное спасибо моим родственникам за то, что они не похожи на описанное в этой книге семейство.

Всем мегареспект.

Ирвин Уэли
Амстердам, октябрь 1994

Скептицизм был сформирован в Эдинбурге двести лет назад Дэвидом Юмом и Адамом Смитом. Они сказали: «Давайте дадим религию черным, но сами не будем в нее верить». Вот где высший пилотаж.

P. R.

Мы должны осуждать больше и понимать меньше.

Мейджор

Часть первая

ПОТЕРЯННЫЕ
ИМПЕРИИ

1

ЕЩЕ ОДНА ПОТЕРЯННАЯ ИМПЕРИЯ

Я. И. Джеймисон.

Нас. Было. Двое.

В этом путешествии, в путешествии на безумной скорости по странной земле на непонятной колыхаге.

Меня все время тормозат, пытаются разбудить. Сказано же — не буди лихо, пока оно тихо. Но они не понимают и все время суются куда не следует. Когда эти гниды берутся за свое, идут помехи, и мне приходится уходить еще глубже.

вратного вида, я знаю только одно — стервец должен пасть от моей руки.

Что касается других событий, мне непросто будет даже вспомнить, как мы с Сэнди Джеймисоном стали друзьями. Я точно знаю, что, когда я попал сюда, он мне очень помог, и этого достаточно. Я не хочу вспоминать, где я был раньше. Мне противно мое прошлое, размытые очертания которого совсем не хочется ловить в фокус. Здесь и сейчас, Африка и Сэнди — вот мое настоящее и будущее.

Свежий ветер дует мне в лицо. Я перевожу взгляд на компаньона, сидящего за рулем нашего джипа, и вижу — он в хорошем настроении.

— Ты ведешь уже бог знает сколько. Давай тебя сменяю, — вызвался я.

— Отлично! — ответил Сэнди, прижимаясь к обочине рядом с запыленным грузовиком.

На моей груди пристроилась огромная муха. Я прихлопнул ее.

— Фу! Эти мухи, Сэнди, положительно гнусны!

— Абсолютно, — смеется он, перебираясь на заднее сиденье. — Вот бы оглобли размять, — улыбается он и вытягивает загорелые, мускулистые ноги.

Я перебираюсь на место водителя и завожу мотор.

Эта колымага, немного провианта и кой-какие гроши — вот и все наше с Сэнди имущество. Остальное не так давно экспроприировал один хитрый и, пожалуй, морально неполноценный абориген, которого мы имели глупость взять проводником.

Сначала мы думали воспользоваться услугами местных парней, но те недокормленные особи, которых мы встречали, выглядели вовсе неаппетитно в том смысле, что... они явно не соответствовали физическим требованиям, которые неизбежно накладывало путешествие в нашей компании. В итоге мы заручились услугами одного изворотливого мальчугана, проходившего под именем Моисей. Мы восприняли это как доброе предзнаменование. Действительность доказала ошибочность наших ожиданий.

Моисей был родом из убогого городка, каких ютится множество по берегам озера Торто. Признаться, наше положение не позволяло нам щедро расплачиваться с прислугой, однако обращались мы с Моисеем хорошо и едва ли заслужили подобной благодарности: этот жулик дал деру, прихватив все наши денежки и припасы.

Слабость к халяве, на мой взгляд, преобладает среди цветных народностей, что весьма печально, однако всю вину я безоговорочно возлагаю на плечи белых колонизаторов, которые, взяв на себя ответственность за

что ты там его подбиваешь, мандавоха!» — но я должен сосредоточиться на дороге, ведь раньше я никогда не водил...

Я не могу отвести глаза от Сэнди Джеймисона. За щедрым, хоть и немного топорным фасадом этого парня притаилось целое чертово племя. Меня так и подмывает закричать: «Джеймисон, ты всего лишь метафора — игра воображения. Ты существуешь только у меня в голове. Мне не на что сердиться, ты всего лишь олицетворение моего чувства вины, его проекция».

Смех, да и только. Сэнди мой друг, мой проводник. Лучше друга у меня никогда не было, но...

Но теперь его член у нее во рту, головка оттягивает щеку, упираясь изнутри. Эта припухлость выглядит ужасно, как гримаса. Лицо Сэнди и того страшнее: он надулся и покраснел, при этом бритая голова осталась темной, а впадины вокруг зеленых глаз белыми — такой вот негативчик.

— Нет, я вполне настоящий, — задыхаясь, говорит он, — мой штык во рту у твоей девочки.

В зеркале, одновременно пытаюсь следить за пыльной, петляющей тропой, которую они здесь называют дорогой, я вижу, как ее лицо изнутри разрезает лезвие. Я понимаю, что машина, на которой мы едем, составляет теперь неделимое целое с моим собственным телом, и меня охватывает паника. Нас мотает из стороны в сторону,

подбрасывает, мы взмываем стремительно вверх, в трепещущую стену света. Я бешено глотаю густой, тяжелый воздух, такое ощущение, будто легкие наполняются водой. Слышу пронзительный крик хищной птицы, пролетевшей надо мной так близко, что чувствуется гнусный запах падали, от нее исходящий. Я собираю оставшиеся силы, чтобы справиться с управлением, и тут обнаруживаю, что *ее* уже и след простыл, а Сэнди сидит рядом со мной на переднем сиденье.

— Там стало немного тесновато, — улыбается он, показывая назад, где расселись трое японцев в деловых костюмах, все возбужденно щелкают фотоаппаратами и болтают между собой на языке, который мне непонятен, но и на японский не похож.

Короче, полный пиздец.

И вот в этом пиздеце Сэнди — лучший сталкер?

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

Да.

Я уже чувствую себя значительно лучше. Чем глубже, чем дальше я забираюсь от *них*, тем лучше я себя чувствую. У Сэнди Джеймисона измени-

КОШМАРЫ АИСТА МАРАБУ

лось выражение лица, он перестал быть насмешливым соперником и снова взял на себя роль преданного друга и проводника. Это означает, что я вернулся туда, где им меня не достать: в глубину собственного сознания.

Но они не оставляют своих попыток; я чувствую их даже отсюда. Все пытаются засунуть мне в сраку еще одну трубку или что-нибудь в этом роде, нарушая таким образом мои личные... нет, только не это... смени тему, держи себя в руках.

В руках.

Сэнди

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ

ГЛУБЖЕ — — — — — Японский бог! — воскликнул Сэнди, когда у нас перед носом, мимо ветрового стекла пролетел ни к селу ни к городу Аист Марабу. Я знал, что это как раз тот, что нам нужен, но преследовать его бесполезно, ведь я едва управлялся с машиной. Кроме того, угнаться за птицей в полете невозможно, но потом мы приложим все усилия, чтобы определить место его гнездовья и уничтожить эту тварь. А пока время терпит, мы медленно снижаемся, со странным гидравлическим

посвистыванием, чтобы приземлиться в тропических лесах.

— Мне никак не справиться с управлением, Сэнди, — признал я свое поражение, безуспешно подергав рычаги и понажимав кнопки.

В отчаянии я вскидываю руки. Хочется еще полетать. Кажется, что и не нужно спускаться.

— Печенье осталось, Рой? — спросил Сэнди с пристрастием.

Я заглянул в пачку на панели — осталось всего три штуки; значит, эта жадоба, этот вредитель сожрал почти все!

— Боже мой, Сэнди, ты сегодня прямо Робин-Бобин Барабек, — заметил я.

Сэнди залился высоким, чистым смехом.

— Нервы, я так думаю. Приземляться особого желания нет, но хоть похавать можно будет прилично.

— Хотелось бы надеяться!

Наш корабль неумолимо спускался, приближаясь к тому, что сначала казалось небольшим поселением, но затем, непрерывно расширяясь за рамки нашего поля зрения, вдруг предстало перед нами гигантским мегаполисом. Мы пикировали на старое каменное здание в колониальном стиле, крыши не было — по периметру больших стен торчали лишь зазубрины битого стекла.